

КАМНИ

В ЦВЕТОЧНОЙ ЛАВКЕ

ПОВЕСТЬ

18+

Алиса Алтынова

Камни в цветочной лавке

<https://litres.ru/74425924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аида уехала с Севера на юг, чтобы забыть. Теперь у неё цветочная лавка в Хосте, напарник-сахальяр Мартин и жизнь, в которой почти не нужно разговаривать с людьми: цветы она понимает лучше.

Однажды Аида начинает выплёвывать камни. Настоящие — плотные, будто слепленные из песчинок, с острыми краями. С каждым разом крупнее. Врачи не находят ничего.

В лавку приходит следователь. Месяц назад пропал муж Аиды. Соседка видела, как в тот вечер он вошёл в дом, — и больше не видела его никогда. Аида готова помочь следствию. Но только она не помнит, что было в тот вечер.

Повесть о вытесненной травме, о детстве, которое кончается слишком рано, и о цене, которую платят за молчание. Для тех, кто читает Евгению Некрасову, Асю Володину и «Вегетарианку» Хан Ган.

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алиса Алтынова

Камни в цветочной лавке

Глава I

Я выросла в Сибири. Родилась же еще дальше от тепла — в Якутии. Часто шучу, что, уехав оттуда, забыла свою юрту и маленьких домашних оленей, которых оставила сторожить свой забытый дом. Так что я знаю не понаслышке, что такое настоящий холод.

В Якутии семь месяцев в году — тьма и пронизывающий холод. Влажность умеренная, и даже в жуткие холода можно чувствовать себя комфортно, если кутаться в теплые вещи. В минус сорок пять мы выходили гулять, потому что потепление даже на десять градусов казалось праздником.

Суровый климат формирует сильный характер. Или хотя бы иллюзию силы. Как будто большинство невзгод, которые нам посылают сверху, становится легче выносить. Приходится много двигаться — так согреваешься. Много трудиться — чтобы не замерзнуть. Кожа на морозе сохраняется лучше. Меньше солнца — меньше морщин. И вот ты уже не так

быстро превращаешься в изюм, обманывая старуху-смерть. Обманывая время. Но не самих себя.

Все тридцать лет, когда сезон сменял другой, и снова наступала зима, хотелось сбежать. Сезонные качели радости были слишком велики: насколько сильно ты счастлив, встречая весну и лето, настолько же больно и горестно прощаться с ними грязной тоскливой осенью в преддверии долгого сезона беспросветной тьмы морозов.

Я уехала, чтобы забыть. Но забывать — не значит избавляться. Иногда прошлое возвращается. Сначала — как песчинка в горле. Потом — как камень, который нельзя проглотить. Я знаю, о чем говорю. Я выплевывала их десятками.

Несколько лет греюсь на юге страны. Выбор пал на Хосту. Формально это уже Сочи, Хостинский район, но по ощущению — отдельный маленький посёлок, который город так и не успел проглотить. Камерный и уютный, климат мягкий, без резких холодов, горные вершины с шапками из зеленых лесов, похожие на алтайские. Но не такие мрачные: они больше напоминают детские фантазии о местах, где живут хоббиты.

При моей профессии редактора было важно остаться внутри культурной идентичности. Переезжая, думала я,

нужно сохранить возможность быть в контакте, к тому же, мой главный навык крепко завязан на родном языке. Вряд ли можно быстро освоить в совершенстве другой. У меня никогда не было тяги учиться говорить одно и то же, только другими словами. Скорее искать новые формы и обороты в языке, который с тобой почти с самого рождения, постигать глубину и широту великого и могучего русского.

Работая редактором, я нашла главный минус этой профессии. Хотя большую часть дня ты наедине с текстом, представлен сам себе... С людьми все-таки приходится разговаривать. О да, это жуткий недостаток. Перед каждой встречей я настраивалась часами, а после меня накрывали дьявольские отходняки. От сенсорной перегрузки приходилось искать укромное место без лишнего шума, яркого света и, главное, людей, которые требовали внимания, реакции, взаимодействия, хоть какого-то жеста, взгляда. Место, где не нужно носить маску — вот самое ценное.

Надолго в профессии редактора меня не хватило. Я все бросила. Нашла свой укромный уголок, который можно почти никогда не покидать. Для взаимодействия с внешним миром у меня есть Мартин, мой верный соратник и хороший друг. Да, теперь у меня своя цветочная лавка. Многие годы я не понимала цветы: люди отнимали так много сил и энергии, потому все мои домашние растения умирали. Я постоянно

забывала, как ухаживать за ними, как заботиться, когда поливать. Они не выдерживали моей чопорности и постоянной усталости. Теперь же я могу сосредоточиться на каждом из них, уделять достойное время, не теряя себя.

Я долго училась их понимать, сначала думала, что они совсем не похожи на людей. Но оказалось, это не так. Вот, например: стыдливая Mimosa. Нежный и чувствительный цветок. От малейшего прикосновения человека или дуновения ветра ее листья мгновенно складываются. Так она защищается от опасности. Когда темнеет, Mimosa засыпает, сворачивая листья на ночь.

Есть люди-хамелеоны: те, кто пытается казаться кем-то другим. Так безопаснее. Есть цветы, которые тоже маскируются, чтобы защититься от возможных нападений. Похоже ли это на проявление человеческой тревожности? Как будто бы да. Треугольная Kислица похожа на стаю фиолетовых бабочек. Она тоже чувствительна, остро реагирует на малейшие изменения: темноту, дождь или руки человека. Тут же складывает листья-треугольники домиком. Когда все успокаивается, приходит рассвет после ночи или рассеивается пасмурная погода, ее «крылья» снова раскрываются.

Есть молитвенный цветок — маранта. К ночи она поднимает листья вверх и складывает их, как ладони. Ботани-

ки говорят, это просто суточный ритм, никакой мистики: свет уходит — листья встают. Мне нравится думать иначе. Я представляю, что она весь день терпит, а как только никто не смотрит — поднимает руки и просит.

Как вы понимаете, я могу часами рассказывать о растениях. С ними гораздо проще, чем с людьми. Но я уже начала рассказывать о Мартине: было бы неуместно снова забыть о нем.

Мартин — сахаляр. Это потомки смешанных браков северных якутских народов и европеоидной расы, чаще всего, конечно, русских. Мартин высокий, крепкий и смуглый, в отличие от традиционного миниатюрного типажа коренных северных народов. Это ему досталось от отца, от него же и голубые глаза. От мамы — очень тонкие черты лица, высокие якутские скулы и выразительный взгляд. Волосы черные, как смоль. И очень добрый нрав. От него пахнет крепким черным чаем с молоком, северным фольклором и хорошими шутками. Удивляюсь, как ему удалось сохранить теплое сердце, несмотря на все, что с ним произошло.

В девяностые многим пришлось несладко: кому-то повезло больше, кому-то меньше. В поисках лучшей жизни его семья продала дом и уехала в Улан-Удэ. Отец называл его «городом молодых»: не потому, что так было, а потому, что ему

самому было немногим больше тридцати, и казалось, что все еще можно начать сначала.

Во время переезда случился дефолт, деньги от продажи дома мгновенно обесценились. Отцу Мартина пришлось продать автобус — средство его заработка, чтобы хватило хоть на какое-то жилье. Мама не работала, отцу нужно было содержать всю семью: жену, сына Мартина и дочь Люси. Он долгое время перебивался случайными заработками, Мартин тоже стал подрабатывать, еще учась в школе. Отец работал по восемнадцать часов в сутки, очень мало спал. Чему удивляться: вскоре его сердце не выдержало и остановилось.

— Как ты выжил после всего? — спросила я однажды.

— Я просто перестал ждать, что будет хорошо. Плыл по течению, делал, что должно.

— Как с потерей справилась мама? Вы были близки? — я почувствовала, как к горлу что-то подступает, словно горький комок, моя природная чувствительность к горю других — чертова ахиллесова пята.

— Было трудно. Честно, не всегда хватало сил после учебы и всяких подработок, которые пришлось найти... Приходишь домой, видишь измученные лица родных людей. Под-

держивал, как мог. Много разговаривал с мамой, слушал, иногда просто молчал.

К горлу снова что-то подступило, как же неприятно. Даже дыхание перехватило и закружилась голова. Наверное, я просто устала.

— Кхе-кхе... — кашлянула я.

— С тобой все в порядке? — спросил Мартин.

— Да, пожалуй, я пойду закрывать кассу и приведу в порядок витрины в лавке...

— Сегодня могу сделать все сам, закончи пораньше. Ты так часто меня выручала с подменами, — предложил помощь мой напарник-сахаляр.

— Что ты, все хорошо, — уверила я, хотя чувствовала, что с организмом явно что-то не так. Устала, отдохни, выпей чаю — вертелось в голове. Усталость: но не впервой же. Я успокоила Мартина:

— Тебе еще учиться на своей вечерке, давай иди, занимайся. Я сама справлюсь.

Выключила свет, зажгла свечи. Тишина, как же хорошо. Заперла дверь, сегодня больше никто не придет. Вечером душно, но легкий ветерок спасает. Налила теплой воды, займусь любимыми крупнолиственными — монстеры, фикусы. Стоит побрызгать их листья перед сном. Кактусы, фиалки, бегонии, цветущие не трогать — на юге высокая влажность, иначе они могут заболеть грибком или гнилью. Скорее бы уснуть, во сне всегда спокойно. Помню ли я свои сны? Нет.

Глава II

Утро в цветочной лавке начинается рано: подъём в пять, навожу крепкий черный кофе (как моя душа, хе-хе) и черный байховый чай с молоком для Мартина (ну и странная же хрень). Мама в детстве пыталась меня приучить пить черный чай, да еще и с молоком — мне казалось, что это адское извращение. Чай пью только зеленый, мягкий, не горячий, а вообще люблю кофе, он пахнет шоколадом и детством. Папа же обожает пить очень горячий чай, чтобы все обжигало, хотя утверждает, что ему не жжет.

— Дароба, ма шер! — залетает в пять пятнадцать счастливый Мартин, улыбка до ушей.

— Поделись бодростью, дорогой. А еще лучше полей цветы... — вяло протягиваю я.

— ... лесо-о-о-в деревья! — смеется Мартин.

— Обожаю твой французско-якутский диалект, конечно, но давай руки в лапы, чай в морду и на базу. Я все полью сама.

Мартин берет свой скрипучий старый велосипед и отправляется на базу за свежими цветами. За ним тащится унылая, как моя утренняя бодрость, тележка. Знаю, что он сделает все как надо: с дотошностью хирурга проверит все растения, откажется от увядших цветов и возьмет лучшие стебли с плотными бутонами и чистыми листьями.

Что делаю я? Допиваю кофе, открываю окна, включаю свет и Вивальди. Не хочу ни о чем думать. Готовлю воду: у меня много бутылков, для каждого типа растения — своя подкормка. Она продлит им жизнь. Под энергичную скрипку двигаюсь в такт музыке, радуюсь, что от вчерашних проявлений кашля нет и следа, надеюсь, так и будет дальше. Обрезаю стебли привезенных Мартином цветов под косым углом, у цветов в горшках удаляю лишние листья. Протираю вазы: многие из них навевают воспоминания о местах, где были приобретены. У каждой свой орнамент, своя история и тепло...

Наливаю в аромалампы немного лаванды. Говорят, она успокаивает и улучшает сон. Может, хоть сегодня я хорошо буду спать, нужно потратить всю энергию, чтобы отрубиться без задних ног.

Теперь самое главное: выбираю красивый букет и несу его на витрину, чтобы он привлекал уличных прохожих. Сего-

дня это — огромная шапка гипсофилы. Крашеной, бирюзовой с лиловым: база завезла целую партию этого безобразия, и оно, конечно, разлетается лучше белой.

Люблю гипсофилы: они как будто никогда по-настоящему не умирают. Сначала они живут в одном обличье, медленно подсыхают, превращаются в сухоцветы и украшают интерьер даже после своей жизни. В уже новой «нежизни», если можно так сказать.

Вот и первая клиентка. Я хорошо знаю Маргариту, милая, но слишком беспокойная женщина. Ее сын уехал служить, так что повод для беспокойства точно имеется.

— Аида, моя хорошая, доброе утро! — обращается ко мне Марго.

— Здравствуй, дорогая. Как сын? — интересуюсь я.

— Вот уже неделю нет никаких вестей. Как и ты, стала плохо спать. Залила всю свою пилею...

— Марго, ты же знаешь, там проблемы со связью. Часто они неделями не могут связаться с родными. Все будет хорошо, не переживай. А пилея — ты же помнишь, что она не любит влажную землю, легче переносит пересушенную.

Поливать нужно часто, но по чуть-чуть. Пересади ее в свежий грунт, перед этим хорошо просуши корни бумажными салфетками. Возьми для земли эту подкормку — недавно ее обнаружила на базе, отзывы отличные.

— Ада, спасибо тебе! Ты, как всегда, и словом, и делом. Ну я напишу, если с чем запутаюсь, — Марго взбодрилась, помчалась домой своей пружинистой походкой.

— Конечно, я всегда на связи, — негромко сказала я, больше себе, чем ей.

Снова комок в горле. День только начался, попрошу Мартина подменить меня на продаже, а сама займусь цветами. О, кажется я тоже не очень внимательна... Вчера залила наши пилеи... Что ж, пересадим. Кхе-кхе... Чувствую, как в горле что-то встало, дыхание сперло. Больно, как же больно... Выходит наружу...

— Аида, с тобой там все нормально? — выбегает ко мне в зал Мартин.

Я молчу. Вижу его удивленный взгляд. Смотрит на камень в моей руке.

— Что это? — искренне удивляется Мартин.

— Что? Ах, это... — кто бы знал. Смотрю на камушек, словно из мельчайших песчинок, но очень плотный. Вышел из меня. Что за чертовщина? Лежит в цветочном горшке...

— Новые интерьерные камни, — легенда в голове родилась быстро. — Я ездила на базу, прикупила, попробуем предложить гостям. Ну и, может, украсу горшки в витрине.

— Ты же вообще не любишь ездить на базы? Вот это перемены. — Мартин был удивлен.

— Ну надо же как-то бороться с затворничеством. К тому же, ты не всегда будешь рядом, скоро закончишь учиться. Ладно, касса не должна простаивать, помоги Вовчику выбрать букет, наверное, опять повздорил с Диной.

Слышу тихие шаги Мартина и их неспешный и забавный разговор:

— Владимир, какой сегодня бэлэх биэр? — попытки Мартина «флиртовать» с клиентами всегда вызывали у меня умиление.

— Мартин, опять ты за свое, я ничего не понимаю на твоём якутском. Дина снова выгнала меня из дома. Нужен букет

помощнее.

— Это на якутском значит «подарить подарок», — заметил Мартин. — Вы выяснили, какие цветы любит ваша женщина?

— Да, она что-то говорила...

— Но вы опять думали о римской империи? — смеется Мартин. Обучение клиентскому сервису снова пошло коту под хвост.

— Ну какая разница, все равно они завянут... Цветы — самый бесполезный подарок.

— А Дина тоже так считает? — вмешиваюсь я.

— Нет. Ей нравятся цветы.

— Тогда, может, стоит найти компромисс? Цветы умирают, но не все. Возьмите орхидею. Она цветет несколько месяцев в году, не слишком сложна в уходе. Выглядит элегантно и дорого. Вовчик, когда будешь дарить ее Дине, скажи, что она похожа на эту орхидею.

— Ада, хитрющая ты искусительница! Но ладно, так уж и быть. Возьму подороже, глядишь вечером мои траты оку-

пятся, хех!

Если тебя не оставят на улице — думаю я. Но любовь обычно слепа, так что тебя действительно скорее всего ждет бурный секс, яркий и страстный, как вчерашняя ссора. До следующей эмоциональной качели. В следующий раз продам тебе хуэрнию макрокарпа.

Глава III

День под новой луной принес мне неприятного гостя: полицейского, господина Льва Андреевича Хитрова. Мартин ошеломленно посмотрел на меня, когда посреди цветочной лавки оказался крупный, суровый мужчина в форме. Большие жилистые руки, бледная кожа, очень темные глаза, карие, но, по сути, почти черные. На левой щеке небольшой шрам, на вид, от пули. Бывалый боец. Среди цветущей красоты и зелени таким не место.

— Аида Родзевич? — голос Хитрова звучал медленно и грузно, такой brutальный, напряженный бас.

— Да, это я, — пришлось едва слышно вздохнуть, чтобы не выдавать расшатанные нервы руками и неровным голосом. Не люблю общаться с людьми из жестких систем.

— Мне нужно задать вам пару вопросов о вашем муже. — Хитров отвел взгляд и начал скользить им по предметам в лавке: витринам, полкам, цветочным горшкам.

Глаза Мартина — столовые блюда от северного сервиза — вот-вот выскочат наружу.

— Мартин, последи за лавкой, я поговорю на веранде с господином. Не смотри так на меня, я все расскажу, когда буду готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.